

«Мы ушли, за собою сжигая мосты...»

За более чем 10 лет, прошедших после распада СССР, в России официально зарегистрировано около миллиона мигрантов и вынужденных переселенцев из бывших союзных республик. Но истинной статистики не знает никто. Считается, что их более 8 миллионов.

Одну из лучших переселенческих организаций страны — в Переславле-Залесском — возглавляет Елена Петровна Славинская, переехавшая сюда из молдавского города Бельцы, где в местном университете возглавляла факультет педагогики и психологии.

За 30 лет профессор Славинская успела сделать лучшим свой факультет, многие её сотрудники защитили учёные степени в Москве и Ленинграде.

А тут — перестройка, всплеск национализма. Славинская пробовала уберечь опьянённую свободой интеллигенцию от разрушительных идей. Это многим не нравилось. Радикалы поджигали двери её квартиры, угрожали по телефону. На учёном совете один из активистов Народного фронта заявил, что Славинская стоит первой в списке на физическое уничтожение.

— Я не из пугливых, но — младший сын, внук... У них в Молдавии не было будущего. А потом, когда в душу наплевали, уже не хотелось работать.

Ни знакомых, ни родных в Переславле у неё не было. Когда-то ездила туристкой по «Золотому кольцу» и запомнила этот тихий, спокойный город. Поселилась в гостинице, стала искать таких, как сама, переселенцев, а в городе как раз создавалось отделение Российского фонда помощи беженцам «Соотечественники». Вскоре Елена Петровна и стала его директором.

Фонд сегодня — это фактически интеллектуальная собственность профессора Славинской. Она пишет проекты, которые побеждают в международных конкурсах, иностранные благотворительные организации дают под них деньги. Этим и живут. Стали строить не город будущего, который им вначале грезился, а новые отношения с администрацией, руководителями предприятий, принялись оказывать бесплатные юридические услуги переселенцам, а потом и всем нуждающимся.

Планировали построить и пустить кирпичный завод, чтобы из собственного кирпича строить дома. Уже была арендована гостиница в Купани, приспособленная под временное жильё для новосёлов города будущего, оговорена площадь под строительство завода, заказано оборудование, арендованы лесопосадки для развития международного туризма. Заключены договоры на долевое строительство десятков квартир. Рассчитывали построить также завод железобетонных плит, цеха по переработке мясомолочных продуктов и по выпуску кормов для скота, посёлок на 300 семей.

Недоставало к этому одного — денег. Под 10 уже закупленных деревянных домов районные власти не дали земли, глинозёмным карьером запретили пользоваться, а когда в стране начался экономический развал, пришлось отбросить мечты не только о кирпичном и железобетонном заводах, о туристском бизнесе, но и о перерабатывающих цехах. Жилищное строительство вздоржало, деньги, которых едва наскребли на восемь квартир, вскоре съела инфляция.

...Гражданство, прописка, получение статуса вынужденного переселенца, ссуда на приобретение жилья... На очереди около 70 семей, а денег — ни копейки. За что ни возьмись — головная боль. Люди срываются с насиженных мест, порой не представляя, что их ждёт в России. Отправляют контейнер, полагая, что оплатили его полностью, а оплатили, как потом выясняется, лишь до границы. Железнодорожники требуют денег, их нет... Сколько раз приходилось падать в ноги железнодорожному начальству! Слава богу, те неизменно помогали. Приехавшая из Казахстана семья сняла трёхкомнатную квартиру. Их спрашивают: «А много ли у вас денег? — «Месяца на четыре хватит». — «А как дальше? — «А дальше не знаем...»

Чтобы помочь взрослым скорее адаптироваться, «Соотечественники» занялись их детьми. Стали выпускать газету «Девчонки и мальчишки», журнал «Школьные годы», детские радио- и телепередачи, компьютерные программы знакомят подростков на доступном им уровне с законодательством.

И власти Переславля наконец тоже поняли, что беженцы — это для них скорее благо, чем обуза; всё охотнее стали предоставлять им рабочие места, помогают с жильём. Но на всех — а через ОВИР Переславского РОВД прошло более 11 тысяч мигрантов — ни рабочих мест, ни крыши над головой всё равно, конечно, не хватает.

Тогда-то и возникла опять идея о компактном поселении. Но теперь было не до мечтаний о «городе будущего». Положили глаз на недостроенные дома разваливающихся колхозов. Селяне упёрлись. Председатель одного хозяйства сядет, набычится:

— Не дам я вам домов, не нужны вы здесь...

Другой ссылался на то, что к домам не подвести электричества — нет проводов, но если бы они и были, не выдержит подстанция. Славинская связалась с «Мосэнерго», в колхоз приехали руководитель и главный инженер объединения, посмотрели, сказали:

— Составьте список всего необходимого, и пусть ваш главный инженер с ним к нам придет. Что имеем — дадим, чего нет — будем искать.

В назначенный день сельский инженер в энергоконтуре не явился.

Из 15 недостроенных домов 10 им всё же удалось выбить. Вокруг лежали заброшенные поля. Хорошо было бы рядом построить ещё тридцать двухквартирных особняков. А в принципе — довести их количество до 2 тысяч. Снова замаячила перспектива города беженцев. И опять отсутствие денег ужало эту идею, как шагреновую кожу, до 10 двухквартирных коттеджей, которые и называются ныне деревней Перелески. Деревней переселенцев.

Плохо ли это, хорошо ли — не мне судить. Для кого-то плохо, потому что далеко от города и нет работы. Для кого-то хорошо, потому что есть мир и крыша над головой.

Не первый год занимаюсь вынужденными переселенцами. Говорят, что Россия не смогла, подобно Америке, воспользоваться утечкой мозгов, которые она получала из бывших братских республик практически бесплатно. Да, не сумела. Даже в информационном плане ничего мы не сделали, чтобы использовать эти мозги по назначению. Отправляли их подальше от Москвы, других крупных промышленных и научных центров — в глушь, в деревню.

Ещё говорят, что к нам «оттуда» идёт криминал. И это есть. Но и растрата мозгов, и многочисленные конфликты переселенцев с властями упираются в отсутствие у государства чёткой концепции миграционной политики. За многие годы её так и не создала Федеральная миграционная служба, почему, вероятно, и была упразднена. А отсутствие у государства средств на обустройство миллионов людей привело к тому, что превратно истолкованные государственные интересы стали превалять над правами человека.

— На войну деньги есть, а на обустройство жертв этой войны нет, — недоумевала на одном из переселенческих форумов председатель-координатор исполкома Лидия Графова. — А главное, многое можно сделать без денег, люди часто просят об одном: чтобы им не мешали.

— У многих переселенцев и переселенческих организаций очень развиты иждивенческие настроения, — выражает другую точку зрения Галина Белгородская, председатель Калужской областной общественной организации «Репатриация». — Израиль, например, заставляет своих мигрантов самообустраиваться. Дается субсидия, как у нас сертификат для военных, на 6 квадратных метров жилья. Если человек не в состоянии со временем вернуть эти деньги, он становится в очередь на получение жилья для социально незащищённых граждан и покорно ждёт. Или собираются две семьи — например, отец с матерью, дочь с мужем — и покупают одну квартиру. Причём покупают там, где они заранее находят себе работу. У нас же треть построенных для мигрантов квартир стоят пустыми...

Миграционный паводок был прогнозируем задолго до того, как его волны накрыли Россию. В своё время президент Польши Лех Валенса с трибуны ООН предупреждал мировое сообщество: распадается последняя супердержава, за этим последуют мощные миграционные потоки, которые Польша, если другие государства останутся в стороне, не намерена сдерживать, а пропустит через себя в благополучные европейские страны.

Направлять не пришлось. Россия взяла на себя удар первого людского половодья. Сдержала его. Пока сдержала. Удастся ли сдержать дальше без материальной помощи мирового сообщества, пока неизвестно.

Эти годы мигрантов многому научили. Сегодня большинство из них живёт по принципу: спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

У них даже есть свой гимн. Начинается он так: «Мы ушли, за собою сжигая мосты...»

Хороший гимн. С хорошими словами.

Правда, мосты между народами сжигали всё-таки не они.